

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*

Н.М.Карамзин

ISSN 0869-6322

2001

К 140-ЛЕТИЮ ОТМЕНЫ
КРЕПОСТНОГО
ПРАВА

СУДЬБА АРДАШЕВЫХ –
ДВОЮРОДНЫХ
БРАТЬЕВ В.И.ЛЕНИНА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Р.М.ПЛЕХАНОВА
ОБ ОЧЕРКЕ
А.М.ГОРЬКОГО

ДНЕВНИК
БАРОНА
Н.Н.ВРАНГЕЛЯ

ПИСЬМА
НА ШВЕЙЦАРСКИЙ
ФРОНТ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 2

«ТЕПЕРЬ МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ ПЕРИОД РЕВИЗИИ ПЛЕХАНОВА»

Р.М.Плеханова об очерке А.М.Горького «В.И.Ленин».
Начало 1930-х гг.

В фонде Р.М.Плехановой, хранящемся в секторе Дом Плеханова РНБ, есть три документа, посвященных знакомству и кратким дружеским связям выдающегося русского философа и революционера, писателя и литературного критика Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918) и известного русского писателя Алексея Максимовича Горького. Они имеют общее название — «Италия и Горький» — и совокупно дают представление о генезисе текста статьи, над которой работала Розалия Марковна. Появление этих материалов следует отнести к 1932—1933 гг. Именно тогда, на рубеже 20—30-х гг., в связи с изменением внутривосточного курса страны, означавшим также и смену действовавших в период нэпа *тактических* идеологических установок партии, в научной литературе и публицистике стали появляться работы, направленные на борьбу с различного рода «уклонами», «ошибками», «неоправданной апологетикой» и т.д. Это, безусловно, не могло не коснуться теоретического наследия Г.В.Плеханова, произведения которого, как и литература о нем, широко издавались в нашей стране с начала двадцатых годов (в качестве примера достаточно отметить, что публикация «Сочинений» Плеханова (1923—1929) шла одновременно тремя тиражами; тогда же появилась первая биография Георгия Валентиновича и более 300 статей, предметом рассмотрения которых были его философские воззрения и революционная деятельность). Как следствие указанных перемен, наметившееся к середине 20-х гг. в отечественной историографии направление — конкретно-исторический анализ творчества и деятельности Плеханова — было искусственно прервано. Одновременно в плехановедении стали преобладать тенденции, основанные на отрицании вклада Плеханова в развитие общественной мысли и теории марксизма, противопоставлении Ленина Плеханову в области философии и политики, противопоставлении их личных качеств.

В какой-то мере оказался подверженным общему настроению и А.М.Горький, воспроизведший в очерке «В.И.Ленин» свои встречи с Г.В.Плехановым в 1907 и 1913 гг. Личность Плеханова, каким его представил Горький, — человека высокомерного, не стесняющего себя особыми манерами в обращении с «простыми смертными», — выглядит особенно непривлекательно на фоне дружеской расположенности к людям и открытости Ленина.

Наследники Георгия Валентиновича, незадолго до этого передавшие архив и личную библиотеку Плеханова в дар Советскому Союзу и принимавшие деятельное участие в культурной и просветительской жизни страны, тяжело переживали разочивавшуюся в стране кампанию. В один из таких горьких моментов Розалия Марковна писала давнему другу семьи Л.И.Аксельрод: «Работаю много. Если бы не одиночество моральное, я чувствовала бы себя хорошо. Одно время меня крайне волновали грубые выходы «не помнящих родства» по отношению к памяти Ж[оржа], но теперь я стараюсь отнестись к этим выпадам как к чему-то ненормальному, временному и стараюсь не реагировать на них. Это немного трудно, но

надеюсь восторжествовать над страданиями, которые мне причиняет разгул плехановских критиков»¹. В центральной печати иногда появлялись статьи Плехановой, когда, по ее собственному выражению, она была «не в силах больше молчать» и делала «вынужденные заявления» (так назывались некоторые из газетных и готовившихся к печати откликов). Входил, вероятно, в ее планы и открытый ответ А.М.Горькому.

Первый вариант статьи «Италия и Горький» был написан Розалией Марковной, что называется «по горячим следам», т.е. сразу по прочтении книги Алексея Максимовича. Перемежающийся вставками набросок, выполненный карандашом и частично чернилами, оставляет впечатление работы, сделанной на одном дыхании². События, представленные в очерке Горького, Розалией Марковной даются в ином ракурсе и приобретают совершенно иное звучание: встреча супругов Плехановых с соотечественником А.М.Горьким названа апофеозом долгожданной и предпринятой по совершенно иному поводу поездки по Италии. Поездки, пережитой ими, как явствует из мемуаров, очень эмоционально. Впечатление от воодушевившего Плехановых знакомства и завязавшейся дружбы с любимым писателем, зафиксированное Розалией Марковной в воспоминаниях почти двадцать лет спустя, не утратило яркости и глубины даже после чтения реминисценций Горького.

Машинописная копия с авторской правкой³ была вновь дополнена вставками, выполненными чернилами в тетради № 3⁴. Их текст, совпадающий по смыслу с теми, что присутствуют в карандашном наброске, расширен за счет включения некоторых изменений и уточнений, введенных примечаний и ссылок. Судя по характеру вносившихся поправок, наряду с «оригиналом» (так Розалия Марковна назвала карандашный набросок) и машинописной копией, они предназначались для окончательного варианта работы. Однако статья осталась незавершенной.

Причиной могло явиться нежелание осложнить непросто протекавшие переговоры с Государственным издательством о публикации сборников «Литературного наследия Плеханова» (Сб. I—VIII. М., 1934—1940). Процесс шел весьма напряженно, и какое-то время Розалия Марковна размышляла над тем, чтобы осуществить свой замысел во Франции. Более того, ею были предприняты в этом направлении некоторые шаги⁵.

Однако к концу 1933 г. был отредактирован А.В.Луначарским и подготовлен к печати первый том «Литературного наследия Плеханова». Самостоятельный раздел сборника составила корреспонденция Г.В.Плеханова и Л.И.Аксельрод за 1898—1903 гг. В шестой сборник (1938 г.) вошла переписка Г.В.Плеханова и А.М.Горького. Хотя, как следует из текста неоконченной статьи «Италия и Горький», письма Алексея Максимовича первоначально предназначались для опубликования именно в ней. Что же заставило Р.М.Плеханову изменить планы?

В уже цитировавшемся письме к Любове Исаковне Аксельрод Розалия Марковна отмечала, что противостоять и бороться с оскорблением памяти Плеханова необходимо теми средствами, которые находятся в руках его друзей и соратников

¹ РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 52. Л. 17об.

² Там же. Тетрадь № 2. Л. 22—39.

³ Там же. Ед. хр. 33. Л. 1—18.

⁴ Там же. Ед. хр. 53. Л. 2, 4—7.

⁵ 14 ноября 1933 г. Р.М.Плеханова подала в соответствующие инстанции заявление о разрешении на вывоз во Францию ряда документов и книг, необходимых для работы над литературным наследием Г.В.Плеханова (См.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 467—468).

по революционной борьбе. Организовав издание сборников документов из архива Дома Плеханова, можно *предоставить возможность понять и оценить благородство идей и целей, гуманистический смысл общественно-политической деятельности Г.В.Плеханова* (и не только его одного) самому широкому кругу читателей. Именно здесь, по ее мнению, и следовало сконцентрировать совместные усилия. В письме содержится просьба разрешить опубликовать переписку Л.И.Аксельрод и Г.В.Плеханова в готовившихся книгах⁶. Таким образом, и появление писем А.М.Горького в специальном издании — в «Литературном наследии Плеханова», — в едином ряду корреспондентов Плеханова, таких, как В.А.Венгеров и В.В.Водовозов, Н.А.Герцен и П.Л.Лавров, В.Либкнехт и К.Каутский, В.И.Ленин и Э.Маркс-Эвелинг и др., приобретало *общественное значение*.

Решение этой (частной, если иметь в виду только Плеханова) задачи позволяло постепенно осуществлять ту, главную, цель, ради которой Дом Плеханова создавался — *просвещение и воспитание народных масс* на примере жизни и деятельности их лучших представителей. Нужно отметить, что Розалия Марковна не ошиблась в своих предположениях: все издаваемые Домом Плеханова материалы очень скоро становились библиографическим раритетом, а читатели (служащие, студенты и рабочие) забрасывали издательства письмами с просьбой об их переиздании. Последнее положение не страдает преувеличением: в центральных газетах 30-х гг. эти письма-требования были совсем не редкость.

Документ печатается по авторизованной машинописи (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 33), с учетом сделанных Р.М.Плехановой в тетрадях (Там же. Ед. хр. 52. и 53) уточнений, в соответствии с нормами современного русского языка. Авторские примечания заключены в круглые скобки. В квадратных скобках обозначены не поддающиеся прочтению слова, включены отрывки, которые по каким-то причинам были зачеркнуты автором и могли бы и не войти в окончательный авторский текст, но представляют интерес именно в связи с поднимавшимися в очерке А.М.Горького вопросами.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Т.И.ФИЛИМОНОВА.

Р.М.Плеханова

Италия и Горький

Зиму 1913 года мы с Георгием Валентиновичем провели в Сан-Ремо, как и предыдущие, начиная с 1909 г. Георгий Валентинович много работал, что называется, не покладая рук, заканчивая свое введение к «Истории общественной мысли», выступил с рядом статей в петербургской «Правде», борясь с ликвидаторами, в «Современном мире» (в статье «О том, что есть в романе «То, чего не было», «Чернышевский в Сибири», «Французский утопический социализм в XIX столетии») и т.д. Здоровье его, очень поправившееся за первые годы нашего пребывания в Сан-Ремо, опять пошатнулось. Ранней весной, в апреле месяце, он заболел сильной крапивной лихорадкой, с t⁰, доходившей до 40 и больше. Лихорадка эта, которая, по моему мнению и мнению приглашенной мною на консилиум местной итальянской знаменитости, явилась следствием нервного переутомления, очень изнурила Георгия Валентиновича. Хотя принятые энергичные меры не дали ей долго длиться или пе-

⁶ РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 19—19об.

рейти в хроническое состояние, как только лихорадка его покинула, Георгий Валентинович, по моему настоянию, покинул берег моря и на время поднялся в горную долину над Сан-Ремо, на высоту 400 метров над уровнем моря; ему надо было отдохнуть от моря. Две недели спустя он вернулся совершенно оправившимся.

Обыкновенно мы в конце мая возвращались в Женеву, где я принималась за медицинскую практику среди ждавших меня верных клиентов, а Плеханов, решительно отклонявший совет поехать в Швейцарские горы, продолжал свою работу. Любимым местом прогулок в свободные минуты был для него сад «*Ariana*», расположенный на левом берегу Женевского озера. В этом саду, мало посещавшимся по утрам, он наметил себе укромное местечко в тени раскидистого дуба. Там он читал, делал отметки, составлял план той или другой статьи. Я его сопровождала в свободные от приемов и визитов часы. Голубая лазурь Женевского озера, снежные вершины Монблана, воздух, пропитанный ароматом деревьев, — все это нас успокаивало после возбуждающего, как шампанское, берега Средиземного моря.

На этот раз, в 1913 г., мы этого сделать не могли. В санатории моей, на вилле «*Le Repos*»¹, вводилось центральное отопление, и я не могла покинуть Сан-Ремо раньше середины июля. Русские больные тоже не спешили на родину или в Швейцарию, куда они всегда переезжали после зимнего сезона. Георгий Валентинович без меня не хотел уезжать в Женеву. Мы решили ждать, пока закончится работа, а когда она закончилась (это было в средних числах июня), мы с Георгием Валентиновичем решили отдохнуть и, по его предложению, поехали в Рим и Неаполь: «Я хочу тебе показать Помпеи. Ты увидишь, какой это сказочный город». Я давно мечтала об этой поездке и легко дала себя уговорить.

К середине июня, когда работы на вилле «*Vittoria II*» были почти закончены, мы, оставив санаторию на попечение швейцарки директрисы и сестер милосердия, отправились в Рим. Рано утром, часов в 7, мы прибыли в вечный город. С вокзала мы прямо отправились на площадь Св. Петра, чтобы еще раз полюбоваться на этот чудный памятник римской архитектуры эпохи Возрождения.

Я видела уже собор Св. Петра в 1906 г., в первую мою поездку в Рим, но этим утром, при низко стоящем солнце, лучи которого любовно озаряли храм, величие и гармония его меня поразила больше, чем в первый раз. Георгий Валентинович, несмотря на утомление от дороги, сиял от восторга. Я на этот раз, как и прежде, каждый раз, когда мы посещали с ним итальянские города с их несравненными богатствами в мире искусства, поразила его почти волшебной перемене: усталость пропала с его лица, глаза загорелись особым блеском, вся фигура его дышала любовью и энтузиазмом. [Те, которые не видели Плеханова в эти моменты, не знают Плеханова. Его большие знания, его глубокое чутье делали его несравненным чичероне^a, и я с дочерьми, как и все те, которые имели сча-

^a Чичероне (ит. *сесегоне*) — проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей музеев и т. п.

стве быть с ним в этот момент, переживали самые глубокие художественные минуты — вставка, зачеркнутая Р.М. — Публ.]

— Долго мы оставались, очарованные на площади, потом направились к самому собору. По широкой лестнице перед входом поднимались на коленях несколько женщин-крестьянок, в ярких платках на головах. В соборе было несколько групп молящихся; мы обратили внимание на группу монахов, которые перебрасывались фразами на польском языке. Мы обошли собор, остановились перед гробницей Кавура², полюбовались на «Pieta» Микеланджело³ и двинулись на поиски дешевой гостиницы, чтобы отдохнуть, переодеться и двинуться на Форум. В Риме мы могли остаться только два дня. Главной целью настоящей поездки был Неаполь. Но нельзя покинуть Рим, не побывавши на Форуме, не пробежав музей Ватикана, не поклонившись шедеврам Рафаэля в его Станцах и Лоджиях⁴, не простояв хоть некоторого времени в раздумье перед «Последним судом» в Сикстинской Капелле. Все это надо видеть. Иначе нельзя покинуть вечный город. Когда мы еще вернемся сюда? Мы летели как на парах. В 1906 году мы осматривали все эти волшебства Рима долго и систематически. Теперь мы мимолетные гости.

Помечтав на Форуме и осмотревши Ватикан, мы поспешили в Неаполь, куда приехали рано, в чудное утро, и устроились на берегу Неаполитанского залива в маленьком французском пансионе. Неаполь, в котором я была в первый раз, поразил меня своим светом и звуками. Шум уличных торговцев, треск колес по мостовой, говор толпы — все это складывается вместе и, отразившись в прозрачном воздухе, воспринимается слухом как звучная, оригинальная, дикая гармония. Наш итальянский друг Noratio Raimondo (Горацио Раймондо. Известный социалист, член социалистической фракции в итальянском Парламенте (Montecitorio) говорил нам: «Vous allez 'a Rome et 'a Naples? Es bien! Vous allez, vois: jusqu' 'a Rome c'est l' Europe apre' c'est — l'Afrique!» («Вы отправляетесь в Рим и Неаполь? Вы увидите, что до Рима — это Европа, после, за Римом, начинается Африка!»). Некультурно, грязно. Неаполитанская грязь вошла в пословицу.

После этих мрачных предупреждений, я нашла Неаполь относительно чистым, народ симпатичным и вежливым — лучший признак культуры, а когда мы посетили богатый Национальный музей Неаполя, остановившись перед идеалом грации и изящества — Нарциссом и другими шедеврами, я сказала Георгию Валентиновичу, что эта «Африка» своими художественными ценностями не уступит европейскому гению.

Стояли чудные дни. Из окна нашей комнаты во французском пансионе мы любовались несравненным видом на Неаполитанский залив. Синее небо, зеркальная поверхность залива, а вдали перед нашими глазами, окруженный вуалью дымчатого цвета, заманчиво глядел на нас Капри со своими мягкими красивыми контурами. Это была сказка наяву. Очень мне хотелось на Капри. Но мой чичероне любил систему: прежде наука, а потом красота. Мы решили поехать в Помпеи, подняться на Везувий, а Капри оставить, что называется, на закуску.

Небольшой путь между Неаполем и Помпеями представлял глазу зрелище большой красоты. С одной стороны — Везувий, над которым поднимался легкий дымок, пронизанный искорками огня, с другой — Неаполитанский залив расстилал свою зеркальную, голубую ширь, прорезываемую от времени до времени быстро идущими пароходами и развернутыми белыми крыльями рыбацких лодок. Залив временами то прячется от глаз, то опять показывается, а Везувий — не грозный, легкий, грациозный, точно освободившийся от внутреннего напряжения, сопровождает нас до самой Помпеи. Апельсиновые и лимонные рощицы, группки пальм с голыми стволами, но пышными верхушками в форме развернутых зонтиков приглашают вас отдохнуть в их тени.

Мы в Помпее, городе, о котором я мечтала всю свою жизнь. Мы пробывали в нем, рассматривая руины храмов, амфитеатр, Casa dei Vettis музей с утра до вечера. Георгий Валентинович, как всегда во время посещения итальянских городов, был неутомим. Он рано вставал, безжалостно будил меня, предлагая мне, до открытия музеев или до приезда в тот или другой итальянский город, прочесть какое-нибудь произведение об искусстве, с которым нам предстоит познакомиться в этот день. Во время наших странствований по Италии у Георгия Валентиновича был всегда запас книг по истории города, куда мы направлялись. Поездки эти для Георгия Валентиновича были не приятным времяпрепровождением, а школой; он учился с увлечением, со страстью, он увлекал и меня, дочерей своим увлечением и всех, которым выпало счастье иметь Георгия Валентиновича около себя во время странствований по Италии, рассказывали о той пользе, которую выносили из этой близости. В.И.Засулич, Н. И. Иорданский⁵ с восторгом отзывались, говорили мне, что многое в Италии прошло бы для них бесследно, если бы не Георгий Валентинович.

На меня Помпеи произвели двоякое впечатление: как и на римском Форуме, я испытывала чувство грусти: сколько уничтожено культурных ценностей слепыми силами природы, которыми человечество не скоро овладеет; к этому чувству примешивалось восхищение величием и грацией остатков искусства древних греков и римлян, их постройками, улицами, от которых многие из современных городов отстают. Меня утешала мысль о том, что эти ценности не совсем пропали для потомства, так как теперь на эти руины и в римский Форум стекаются массы ученых, архитекторов и инженеров, чтобы изучить тайны постройки их сводов, изучить их цемент, который по своей крепости превосходит современный. Нет! Человеческий гений не пропадает, его приобретения не пропадают и даже в разрушенном виде возбуждают работу исследования. Гений человеческий, вооружившись старым, идет вперед к новым знаниям, к новым открытиям...

Вернулись мы в Неаполь утомленными, но бодрыми. Георгий Валентинович был доволен тем, что показал мне Помпеи. Прочитав свою корреспонденцию, он присел к письменному столу, чтобы ответить на наиболее спешные письма, вскоре улегся. С книгой по раскопкам Пом-

пей он заснул, чтобы на утро встать бодрым и готовым опять пуститься в путь.

Но я запротестовала против его намерения подняться на Везувий. После вчерашнего утомительного дня уговаривала его посидеть спокойно в нашем простеньком, но уютном пансионе, а после завтрака прогуляться по набережной, посмотреть итальянцев, работающих на набережной, в порту. Мы так и порешили. Подъем на Везувий мы отложили на следующий день. Но план наш неожиданно изменился. Вместо Везувия мы двинулись на Капри.

Как-то утром в день отдыха, после посещения Помпеи, к нам в пансион явилась Екатерина Павловна Пешкова⁶ и просила нас приехать к ним на Капри погостить. Алексей Максимович хочет повидать Георгия Валентиновича и познакомиться со мной. Мы не заставили себя просить. Георгия Валентинович, который любил и ценил Алексея Максимовича как художника, рад был случаю с ним встретиться. Я же давно мечтала давно о том, чтобы повидать Горького, певца буревестника, автора «Фомы Гордеева», «Мальвы» и других шедевров. И Капри манил к себе своим таинственным видом! На другой день, сколько мне помнится, 20 или 21 июня, мы двинулись по Неаполитанскому заливу на маленьком пароходике к волшебному острову. Погода стояла восхитительная. Залив «смеялся», нежные прозрачные облака покрывали небо, дул ветерок легкий, который умерял зной. Мы наслаждались видом, вдыхали живительный морской воздух и предвкушали встречу с любимым автором. Причалив к берегу, мы наняли лодочника, который нас повез в Голубой Грот, и потом по фуникулеру поднялись к Горькому в его виллу. Отыскать виллу не трудно было, так как итальянцы хорошо знали своего любимца и охотно указывали дорогу, даже карабкались с нами, я помню, по дорожкам между виноградниками.

Алексей Максимович и Екатерина Павловна приняли нас чрезвычайно приветливо, угощали нас как истые русские хлебосолы; когда к вечеру, после долгих бесед, мы заявили, что больше не хотим утомлять хозяев, и просили указать нам гостиницу, где мы могли бы переночевать, Алексей Максимович и Екатерина Павловна решительно воспротивились нашему желанию и уступили нам одну из своих комнат. Беседа на балконе затянулась до поздней ночи. Мы все были под обаянием неаполитанского неба с мириадами блещущих звезд. Контуров гор, соседних с виллой, где жила семья Алексея Максимовича, вырисовывались ясно в прозрачной атмосфере Капри. В течение дня, во время прогулок и за столом во время обеда, и вечером во время чая лилась оживленная беседа, главным образом, между Георгием Валентиновичем и Алексеем Максимовичем об Италии, Неаполе, его художественных богатствах, о нравах итальянцев, социалистическом движении, итальянских социалистических лидерах, и я поражаюсь начитанности и природному уму писателя-пролетария. Я не присутствовала при всех разговорах Георгия Валентиновича и Алексея Максимовича, так как по предложению Екатерины Павловны мы с ней пошли прогуляться по острову. С Екатериной Павловной я познакомилась в Женеве. Несколько лет перед этим

меня ей представила Кончевская-Шишко⁷. Она сразу очаровала меня своим выразительным лицом и изяществом, которым веяло от всей ее фигуры. Теперь же, когда я наблюдала ее на Капри, мое впечатление еще углубилось... Умное, моментами задумчивое грустное лицо покрывалось очаровательной улыбкой, когда она заговаривала с встречавшимися нам на пути итальянцами. Я заметила, какую живую симпатию она вызывает в местном рабочем населении, как глаза загораются у этих наивных детей любовью, когда она обращается к ним с приветливым словом. Екатерина Павловна была очень обеспокоена повышенной температурой Алексея Максимовича, даже настаивала на том, чтобы я его выслушала, прописала ему лекарство для понижения температуры, но Алексей Максимович наотрез отказался от моих медицинских услуг, приняв только один совет: применить к себе вытирание тела раствором соли в водке для понижения t^0 и закалки тела. Как я поняла, он изверился в терапевтике, признавал физическое лечение. Ближайшее будущее показало, что он был прав: лечение под руководством Дос Манухина лучами Рентгена, почти впервые примененное к его процессу, дало поразительные результаты. Во время этой прогулки я была поражена симпатией населения к Горькому и его семье. Итальянцы останавливались, приветливо улыбались Екатерине Павловне, расспрашивали о здоровье сеньора.

Когда мы расстались поздно ночью с любезными хозяевами, Георгий Валентинович рассказал мне, что у него был разговор с Алексеем Максимовичем по поводу его полемической статьи против «богоискателей» и горьковской «Исповеди». Алексей Максимович дружественным тоном сказал Георгию Валентиновичу: «Строго Вы, Георгий Валентинович, отнеслись к моей «Исповеди». Здорово пробрали меня». На что Георгий Валентинович ответил, что, ставя высоко его художественный талант, он считал своей обязанностью восстать против того, что считал вредным в идеологических его взглядах, как социалист. Георгий Валентинович тут же прибавил: «Вы, Алексей Максимович, изменили, бросили свою мистическую точку зрения на задачи человечества и пролетариата. Если да, то развейте Вашу теперешнюю точку зрения, я напишу об этом и отдам должное Вашему теперешнему миросозерцанию».

На это Горький ответил: «Не надо, пусть так!». Был разговор о тактике большевиков и ликвидаторов. К последним он относился с большой неприязнью. Алексей Максимович находился тогда, как нам казалось, в периоде идеологического перелома: он не одобрял большевиков, был решительно против ликвидаторов и, видимо, склонялся к взглядам Георгия Валентиновича.

Было много разговоров у нас о происходившем тогда и волновавшем человечество следствии по делу Бейлиса⁸. Перед нашим отъездом нас в Сан-Ремо посетил известный адвокат Гальперин⁹ и много рассказывал нам об ужасах черносотенных происков, о Чеберячке¹⁰, которую он лично знал и допрашивал. Мы об этих подробностях сообщили Алексею Максимовичу, и он, со своей стороны, рассказывал, расспрашивал нас. По его волнению видно было, что он сильно переживал эту

трагедию, позорную для нашей страны. Позже он нам писал в Сан-Ремо: «Дело Бейлиса натянуло мне нервы так, как не было со мною. Читая отчеты «Киевской мысли», чуть не реву от стыда и со зла и т.д.» (См. письмо от октября 1913). Об оправдании Бейлиса Горький известил нас телеграммой. Телеграмма эта получилась в первых числах ноября, утром, когда больные санатории были еще в своих комнатах. Эта бумажка переходила из комнаты в комнату, из рук в руки. Санатория была охвачена чувством счастья высокого, проливались слезы радости. Натянутые отношения, которые установились между христианскими и еврейскими элементами среди больных, сразу выродились^а в дружеские. Пошли объятия, прервавшаяся дружба восстановилась. Словом, телеграмма Алексея Максимовича внесла незабываемые моменты в наш «Дом страждущих». Скоро пришла телеграмма и от Гальперина, но телеграмма Горького пришла «первая»^а.

Был разговор также относительно последних достижений науки в области естествознания и техники, за которыми Плеханов всегда следил с большим интересом, и мы с Георгием Валентиновичем были очень поражены уму и сведениям Алексея Максимовича и в этой области. Мы не знали Горького, для нас это было откровением.

Переночевали мы на вилле, которую занимал Горький и его семья. На другой день любезные хозяева устроили для нас экскурсию на гору, к развалинам дворца Тиберия¹¹. Нас хозяева усадили на ослов, а сами шли рядом с нами пешком. Не доходя до вершины горы, нас ввели в домик^а, где милый, приветливый итальянец и итальянка показывали разные вещицы, найденные при раскопках на месте дворца, и по приглашению Горького протанцевали танец тарантеллу. Танцевали грузный дядя и средних лет племянница. Гибкость и красота движений, сложные фигуры танца привели нас в восторг. Было интересно, весело, хозяева любезно предупредительны, небо сияло, небо улыбалось. Словом, мы провели очаровательные, незабываемые два дня, и долго мы припоминали с Плехановым эту поездку. Алексей Максимович проявил очень симпатичное отношение к Плеханову и на прощание сказал ему, что он очень рад был поближе узнать его, что отныне, когда ему понадобится совет по тому или другому вопросу теории и практике, он обратится к нему. Алексей Максимович и Екатерина Павловна проводили нас до дебаркадера и долго стояли на берегу, пока пароход удалился.

Я видела в первый раз Алексея Максимовича, знала его только по его произведениям, которые находила глубоко художественными и глубоко идейными, но, признаюсь, представляла себе его вроде Скитальца¹², мало знающим, мало образованным, мало культурным. Действительность показала нам другого Горького. По дороге в Неаполь я сказала Плеханову: «Самое интересное, что мы видели в Италии — это наш соотечественник Горький!».

Итак, благодаря Горькому мы осмотрели Капри раньше, чем это полагалось по нашей программе. В нашем распоряжении было всего-

^а Так в тексте.

навсего 8 дней на осмотр Неаполя и его окрестностей, Помпеи, восхождения на Везувий и посещение Капри, к Горькому мы заезжать не думали, программа была дополнена очень приятным образом, но нам остался Везувий. Быть в Неаполе и не делать экскурсии на Везувий — это все равно, что «быть в Риме и не видеть папу». Папу мы не видели, не смотря на наше трехкратное посещение вечного города, и я об этом, признаюсь, нисколько не жалела, но не подняться на Везувий — это было бы большим лишением.

Был уже конец июня. Срок нашей экскурсии кончался. Меня ждали в Сан-Ремо. Надо было спешить. Отдохнув после Капри часть дня и ночь, мы опять двинулись по направлению к Помпее, чтобы с какой-то станции, не помню, с какой именно, по проторенному пути, который берут обыкновенно туристы, подняться на манящий нас Везувий. Но тут случилась с нами совершенно неожиданная авантюра¹³.

По дороге из Неаполя до станции, где мы должны были пересесть на поезд, поднимавшийся к подножью Везувия, к нам пристал какой-то итальянец с лукавой внешностью и советовал не ехать в Помпеи, а сойти на промежуточной станции, оттуда он нас доведет до деревушки, откуда нас в карете за небольшую плату повезут на гору. Дорога интереснее, живописнее и гораздо дешевле другой, проторенной, по которой ездят все. Мы дали уговорить себя и пошли за лукавым итальянцем.

В ближайшей деревушке, у подножья Везувия, нас усадили в скверную бричку, в которую впряжена была худенькая маленькая лошаденка. Но она оказалась сильной, привычной и довольно быстро понесла нас вверх. Рядом с бричкой шел наш хозяин и соблазнитель, наш лукавый итальянец.

Нельзя сказать, что нам комфортабельно сиделось, и от времени до времени нас здорово встряхивало. Но мы были вознаграждены после получаса тряски божественным зрелищем, представившимся нашим глазам: безоблачное голубое итальянское небо сливалось на горизонте с тихой лазурью Неаполитанского залива, там вырисовывались нежные контуры Капри. Окружавшая нас красота обхватывала душу каким-то неизъяснимым ощущением счастья.

Мы доехали до половины пути и остановились около одинокой постройки, нечто вроде фермы. К нам вышла приветливая толстая итальянка и пригласила нас в дом. Мы вошли в просторную комнату, уставленную столиками. За ними сидело несколько рабочих итальянцев, которые ели и пили. Нам тоже предложили выпить «Лакрима Кристи» (Христовы слезы). Хозяйка с гордостью заявила нам, что это вино выдвывается тут же, из ее собственных виноградников. Мы с удовольствием вкусили сами этого свежего напитка, а также угостили нашего возницу и лукавого итальянца, который нас не покидал. Тут же нам объявили, что мы больше в бричке не нуждаемся и что дальнейший путь совершим верхом на лошадях.

Во дворе уже стояли оседланные две лошади: серенькая, которая носила довольно матерьяльное прозвище «макарони», предназначавшаяся-

ся для меня, и темнокоричневая, носившая еще менее поэтичное название «бифштекс», — для Георгия Валентиновича.

На наш вопрос, придется ли еще раз менять средство передвижения, нам сказали, что нет, что мы доедем до самой верхушки. Мы уселись на лошадаках. Рядом с нами шел собственник и не покидавший нас лукавый итальянец, а, кроме того, к каждому из нас был приставлен маленький грум — итальянский мальчик-подросток, обязанность которого заключалась в том, чтобы покрикивать на лошадок, когда эти последние от усталости останавливались. Мальчики держались за хвосты лошадок. Поднимались по узким дорожкам, покрытым глубоким слоем песка. Солнце жгло, люди изнемогали, ноги утопали в песке, трудно было подниматься. Лошадки наши шли уверенным шагом по скользкому песку, часто по краям пропасти или скользкой покатоности. Не знаю, на кого я походила. Наши гиды уверяли, что я держалась на коне, как настоящая амазонка, но итальянцы любят говорить дамам комплименты! Плеханову же я заявила, что он похож на Дон-Кихота, и сходство это еще усугубилось тем, что гид, сопровождавший его, маленький и толстый, очень походил на Санчо Пансу. Мы были веселы и счастливы. Перед нами все шире раскрывался божественный вид на Неаполитанский залив и чудные его берега. Капри звали — точно видение. Георгий Валентинович не мог налюбоваться, часто меня окликал и выражал свой восторг: «Ну что, Роза, хорошо, ты довольна?»

На лошадях мы поднимались часа два. Нам казалось, что скоро достигнем вершины. Но, к нашему удивлению, лошадки наши остановились и сопровождавшие нас итальянцы предложили нам слезть и заявили, что до вершины донесут нас гиды, спускавшиеся с горы. И действительно, нам навстречу спускались какие-то старички. «Как же, ведь вы сказали, что мы на лошадях доедем до вершины». — «Нет, нельзя. Тут слишком круто и скользко, лошади по такому пути идти не могут». Нечего делать. Надо подчиниться. Двое стариков подошли ко мне, схватились наперекрест сложенными руками, предложили мне сесть и обхватить их шеи. Я все это исполнила. То же самое было предложено Георгию Валентиновичу. Но он наотрез отказался от такого способа путешествия. Как я ни уговаривала, ни просила, но ничего не помогло.

«Ты хочешь, чтобы меня носили эти столетние старики? Ни за что! Я поднимусь сам, я достаточно силен, чтобы дойти. Ведь совсем недалеко». Все это было сказано таким безапелляционным уверенным тоном, что я успокоилась. Но едва Георгий Валентинович сделал шагов двадцать, как он остановился и со словами «мне дурно» опустился на землю. Лицо его было смертельно бледно. Он попросил воды. Я соскочила и подбежала к нему. Пульс был редок, но не слаб. Воды не оказалось, но, к счастью, карманы наших стариков-гидов и не покидавшего нас лукавого итальянца оказались наполнены бутылками «Лакрима Кристи». Выпив немного этой живительной влаги, мой самоуверенный турист пришел в себя, почувствовал себя лучше. Я стояла за то, чтобы не продолжать подъема, а сейчас спуститься в долину, но Георгий Валентинович решительно заявил, что хочет подняться посмотреть кратер. «Как же, быть почти на вершине и не дойти. Раз решили достичь из-

вестной цели, надо ее достичь. Да, я хочу, чтобы ты посмотрела кратер, а без меня ты не поднимешься». — «В таком случае, сядь на руки стариков». Тут и эти добрые старички начали его уговаривать. Плеханов уступил, его усадили, и мы начали подниматься. Подъем был труден и опасен. Наши старые провожатые тяжело дышали. Пот с них лил ручьями. Нас очень мучила совесть, но добрые старички нас успокаивали, говоря, что это им не впервые, что некоторые из них лет сорок занимаются этим делом. Чтобы утешить нас, они очень часто останавливались и просили позволения выпить за наше здоровье, на что мы охотно соглашались, от души их благодарили, и бутылки с «Лакрима Кристи» опустошались с невероятной быстротой. Наконец, мы у кратера!

«Все ничто, — говорил Георгии Валентинович, — перед величием этого зрелища». Кратер дымит во многих местах, желтые ручейки расплавленной серы показывались то здесь, то там. Казалось, какая-то адская работа происходит в стенах этой зияющей огненной пасти.

«Видишь, Роза, стоило подняться». Мы долго стояли над кратером, очарованные. Потом как-то сразу почувствовали усталость от пережитых впечатлений в течение дня и начали спускаться вниз, поддерживаемые нашими гидами. С последними и нашим лукавым итальянцем мы самым дружеским образом простились, не сетуя на то, что эта дешевая дорога нам обошлась вдвое больше проторенной и что «выпиванье» за наше здоровье «Лакрима Кристи» сильно облегчило нам дорожный запас! Но что это! Мы видели Везувий, и Плеханов здоров!

Срок нашего возвращения в Сан-Ремо наступил. Там меня ждали больные, а Георгия Валентиновича — спешная литературная работа. Посвятивши еще один день на Национальный музей, мы на этот раз рассмотрели его более тщательно. Георгий Валентинович остановил мое внимание перед его шедеврами: мы долго стояли перед группой «Гармондиус и Аристокитон», воспроизведением архаической статуи, изображающей двух молодых греков атлетической силы, убивших афинского тирана... В этой группе поражает выражение фанатизма и физической энергии и, вместе с тем, какая-то моральная тупость. Словом, безжалостная фанатическая страсть. Пораженные силой изображения этих двух героев древности, мы приобрели фотографический снимок статуи, чтоб преподнести ее одному нашему приятелю, ярому террористу, члену боевой организации соц[иалистов]-революционеров, в расчете, что доставим ему этим удовольствие: он познакомится со своими античными единомышленниками; но приятель наш почти обиделся за этот подарок: вид античных собратьев, по-видимому, не льстил нашим современным террористам.

Сколько мне помнится, в этом же зале Национального музея меня тронула проникнутая глубокой жалостью и грустью, полная чувства симпатии к страданиям героев, группа «Орест и Электра». Последняя — сама грация по стройности и живости.

Я долго созерцала также гигантскую группу, полную движения и трагического содержания [...] ^a Farneze¹⁴. Своим художественным выяв-

^a Слово неразборчиво.

лением человеческих страстей он составляет контраст с чудными по красоте форм, но мертвыми изваяниями богов и богинь древности. Богатства Национального музея оставили во мне неизгладимое впечатление и желание еще раз посетить Неаполь на более длительное время, чтобы лучше изучить, лучше понять. Но, увы, это мое посещение чудного города было первым и последним. Несколько часов накануне выезда мы посвятили отдыху в загородной местности на мысе Позилипио и, сильно облегченные в финансовом отношении нашим восхождением на Везувий, поспешили в Сан-Ремо, оставив мысль об остановке на обратном пути в вечном городе, вопреки нашему первому намерению.

Наше маленькое путешествие по Италии окончилось неожиданным для нас результатом: временным сближением с Горьким. Георгий Валентинович очень любил и ценил его раньше как талант-самородок. А богатые русские натуры-самородки вызвали в Георгии Валентиновиче нежность и гордость, он видел в них великие возможности для нашей родины. В 1912 году мы впервые познакомились с другим гениальным самородком нашей великой страны, Федором Шалапиным. Плеханов очень увлекался его игрой, блеском его рассказов, но не мог вынести его коленопреклонения перед Николаем II, и тут он был беспощаден¹⁵.

В Горьком он сразу почувствовал большого инстинктивного революционера и поэтому был особенно требователен к его революционному миросозерцанию. Увлечение Горького мистикой, «богоискательством», сильно волновало Георгия Валентиновича, вызывало с его стороны строгую критику «Исповеди», произведения, в котором мистический элемент в миросозерцании Горького дошел до кульминационного пункта. Но эта строгая критика не мешала Плеханову питать к талантливому самородку нежное чувство. В 1907 г. во время Лондонского съезда¹⁶ Георгий Валентинович писал мне следующее:

«14 мая 1907 г.

Вчера состоялось открытие съезда. Я открыл его. Говорят, на хорах присутствует Горький, но я его не видал, иначе сказал бы ему несколько приветственных слов.

16 мая 1907 г.

Вчера ко мне подошел Максим Горький, который тоже здесь. Я с ним поговорил довольно долго. Он очень интересный человек. Мне он наговорил много комплиментов, назвал своим учителем и т.д., просил провести с ним вечер, чтобы поговорить. Я, конечно, согласился. Когда будет наш разговор, еще не знаю...».

С большим юмором рассказывал мне по приезде из Лондона Георгий Валентинович о том, как он вместе с Алексеем Максимовичем посетил мастерскую английского художника (друга Степняка)¹⁷, нарисовавшего целую галерею типов из «Дна» Горького. Рисунки были неудачные, художник не понял российского «дна»...Но у него был такой взволнованный вид, точно он ждал своего смертного приговора. Жить или не жить! Так как Алексей Максимович не говорил по-французски, — язык, на котором объяснялся художник с Плехановым, — то последний взял на себя роль переводчика. Алексей Максимович не мог удержаться от выражений: «Это черт знает что такое», «это безобразие», и на впе-

чатлительном лице его сказывалось это неодобрение, а художник вопросительными глазами, почти с мольбой смотрел на Плеханова, ожидая перевода слов Горького. Положение было крайне шекотливое. Как сказать художнику, что автор «Дна» находит изображение его типов никуда не годными. По деликатности и жалости Плеханов смягчал выражения Алексея Максимовича, говоря: «Хорошо, недурно». Художник был в недоумении: «Какие странные русские, одобряют, а выражение их лиц показывает противоположное! Какое же делают они лицо, когда хотят выразить недовольство? Должно быть, очень веселое, восторженное! Что за оригиналы эти русские!» Георгий Валентинович с большой нежностью говорил о прямоте, немного примитивной, своего любимца!

Тут я не могу не подчеркнуть, что Георгий Валентинович отнесся великодушнее к малой культурности нашего великого художника, чем последний к его «западничеству». «Сюртук» Плеханова вызвал крайнее неодобрение М. Горького¹⁸.

Наверное найдутся юнцы, которые скажут: «Напрасно Георгий Валентинович пощадил английского художника, лучше ему было бы знать правду, это было бы ему полезно! Что обязывало его исказить слова Горького?» На это отвечу словами нашего великого критика В. Г. Белинского¹⁹, сказанные им в его замечательном разборе произведения Пушкина «Евгений Онегин»: «Как, что? Чувство человечности, чувство деликатности! Если, почему бы то ни было, вам нельзя не принимать к себе человека, который для вас тяжел и скучен, разве вы не обязаны быть вежливы и любезны, хотя внутренне и посылаете к черту!» (Собрание сочинений Белинского в трех томах. Юбилейное издание. (Стр. 371). В нашем великом критике говорила реакция против грубости нравов разночинца ... Грубость эта, к сожалению, царствует и нынче.

Теперь скажу несколько слов о письмах Горького и кратком времени сношений между ними Георгием Валентиновичем.

Георгий Валентинович получил 4 письма, которые мы приводим ниже²⁰. Из этих писем читатель увидит, какую симпатию Алексей Максимович питал к тому, кого он называл своим учителем.

После письма из Мустамяк от 7 июня 1914 г. переписка между ними замерла.

В июле 1914 г. мы с Георгием Валентиновичем отправились в Брюссель, чтобы принять участие в заседании бюро Интернационала, оттуда поехали в Лондон. Плеханов решил поработать в Британском музее, собрать материал для «Истории русской общественной мысли». Когда мы оставляли Францию и Париж, там чувствовалась большая тревога; в воздухе, что называется, пахло порохом. Но мы надеялись, что человечество «минет чаша сия». Но работать нам долго не удалось; недели через две после нашего приезда в Лондон, 2-го августа 1914 г., в полдень, покинув Британский музей, мы узнали из газет, что Жорес²¹ убит и что Германия объявила Франции войну. Плеханов, прочитав это известие, смертельно побледнел, мне казалось, что он потеряет сознание. «Что с тобой? — Спросила я его. — Почему это известие тебя так взволновало?» — «Ты себе не представляешь, что это будет за война!

Это будет избивание народов и жестокостью своей превзойдет все то, что испытало человечество до этих пор. Наш Интернационал опозорился!» Плеханов испытывал муки ада. В этот же день мы оставили Лондон и двинулись через Дувр в Париж. Город — «светоч», который мы оставили блестящим, веселым, хотя слегка уже тревожным, был погружен во мрак, в траур и слезы.

Первым движением Плеханова по приезде в Париж было побегать к Геду²², посоветоваться с ним, как, что сделать, чтобы созвать Бюро Интернационала и остановить ужас братоубийственной войны. Было уже поздно! Немцы уже раздавили Бельгию и находились у ворот Парижа. Франции грозит смертельная опасность. Дать немецкому империализму раздавить Францию — Францию Великой Французской революции — это невозможно. Русский революционер на это не пойдет. Подобно Герцену²³, Плеханов считал, что у русского революционера два отечества: Россия и Франция — Франция, давшая миру великую революцию. И за эту Францию мы все должны стать горой. Торжество немецких юнкеров — это будет торжеством реакции в Европе, торжеством мрака над идеями освобождения от европейских деспотий и над идеями социализма. Так смотрели в начале войны большинство социалистов на Западе и наши в России. Так смотрели наши американские товарищи. Из России нам писали, что большинство соц[иал]-дем[ократов] стоит на точке зрения борьбы с немецким империализмом и защиты родины. Писали нам также, что Максим Горький разделяет эту точку зрения. Наша старшая дочь откуда-то слышала, что в Москве основался госпиталь имени Горького. Стремясь всей душой и всю свою жизнь в Россию, она написала Алексею Максимовичу, чтоб узнать подробности о заведующем им госпитале. Ответ не замедлился. Ни к какому госпиталю он отношения имел. В это тревожное, трагическое время мир наполнялся слухами всякого рода.

В 1915 г. до нас дошла недостойная заметка анонима, помещенная в № 1 журнала «Летописи»²⁴. Георгий Валентинович отнесся к ней с глубоким презрением... Меня, семью нашу и наших друзей эта заметка глубоко возмутила. Со всех сторон России шли письма с настоятельными увещеваниями ответить. Журналы и газеты предлагали ответить на их столбцах... Плеханов не хотел отвечать, говоря, что для того, чтобы ответить на пасквиль, появившийся на столбцах «Летописи», нужно опуститься до авторов его.

Приехавший к нам в 1915 г. Н.И.Иорданский сказал мне в отсутствии Георгия Валентиновича, что носятся слухи, будто написали неприличную заметку Базаров²⁵ при близком участии Максима Горького. Причем, Н.И.Иорданский прибавил, что среди литературных кругов говорят, что Базаров мстит Плеханову за его полемические выходы против него, а Алексей Максимович пристал к Базарову по слабости характера. Ну, понятно, что это были рассказы! Я, признаться, очень была взволнована рассказом Иорданского, отказалась верить в такой неделикатный поступок Горького, просила его не говорить об этих слухах Георгию Валентиновичу. Но до Георгия Валентиновича все-таки дошел этот слух.

Георгий Валентинович ничего не сказал — повел только густыми бровями. Зная его, я угадала, что ему это известие доставило страдание («И ты, Брут!»), и с тех пор имя Горького не произносилось в нашем доме.

Позже, в № 1 «Дневника социал-демократа», вышедшем в России, Георгий Валентинович коснулся этого анонима при следующих обстоятельствах: возражая на речь Чхеидзе²⁶, произнесенной в Государственной думе «о мире и его желательных условиях», Плеханов говорит: «Я наперед знаю, что возражения эти не понравятся кое-кому из людей, *'a tort ou 'a raison*^a считающих себя принадлежащими к крайнему левому лагерю. Возможно даже, что за них какой-нибудь «неграмматикальный» аноним опять выругает меня ... при ближайшем или просто близком участии Максима Горького. Если эта вторая *возможность* перейдет в *действительность*, то мне будет больно ... за Горького, художественный талант которого я очень уважаю. Но делать нечего! Назвался груздем, полезай в кузов. Покойный глава женеvского радикализма Жорж Фавон сказал мне однажды: «Кто занимается политикой, тот всегда должен быть готовым получать удары». Немного помолчав, он прибавил: «И, разумеется, давать сдачи». Думаю, что это верно. Не со вчерашнего дня занимаясь политикой, я тоже готов получать удары и отвечать на них, если, однако, для этого не надо было нагибаться слишком низко...»²⁷.

В 1917 г., в апреле месяце, через несколько дней после возвращения Георгия Валентиновича на родину [что] получилось от Горького последнее письмо, в котором он пишет Георгию Валентиновичу, искал его в Европейской гостинице, звонил Иорданскому, но безуспешно и т.д. Признаться, и я и Георгий Валентинович были довольны, что Алексей Максимович к нам не пришел: с него не было снято подозрение, как одного из авторов недостойной заметки, и видеть его мы не могли. Плеханов умер с горячей верой в торжество дела, которому отдал жизнь, но разочарованный в людях, и этому разочарованию в людях немало способствовал неприличный аноним.

Прошло пятнадцать лет. В [19]31 г. я читаю в «Известиях» о том, что появилась брошюра М. Горького под названием «В.И. Ленин» и в брошюре этой нарисован художественный портрет Плеханова. Я захожу в первый книжный магазин, покупаю брошюру, кидаюсь, так сказать, на художественный портрет Плеханова и прихожу в ужас! Никто никогда из злейших врагов Плеханова не создал такой карикатуры!

Горький говорит о своей встрече с Плехановым следующее: «Когда меня «подводили» к Г.В. Плеханову, он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель еще на одного нового ученика. Он сказал мне весьма обычную фразу: «Я поклонник Вашего таланта». Кроме этого он не сказал ничего, что моя память удержала бы. И на протяжении всего съезда ни у него, ни у меня не явилось желание поговорить по душам»²⁸.

Алексей Максимович описывает выступление Плеханова на Лондонском съезде партии. И тут что ни слово, то искажение внешности

^a Справедливо или нет (фр.).

Плеханова, его манеры говорить, манеры слушать, манеры держаться во время восклицания противников. Верно, что со времени съезда ушло уже 23 года, и Алексей Максимович мог забыть образ Плеханова, смешать его с кем-нибудь другим. Не допускаю мысли, чтоб Горький сознательно исказил образ Плеханова. Он его не понял, подошел к нему с предвзятой мыслью, смотря на него сквозь «фракционные» очки.

«Очень искусно он развешивал в воздухе над головами съездовцев красиво закругленные фразы, и когда на скамьях большевиков кто-нибудь шевелил языком, перешептываясь с товарищем, почтенный оратор, сделав маленькую паузу, вонзал в него свой взгляд, точно гвоздь. Одна из пуговиц на его сюртуке была любима Плехановым больше других, он ее ласково и непрерывно гладил пальцем, а во время паузы прижимал ее точно кнопку звонка, — можно было подумать, что именно этот нажим и прерывает плавное течение речи. На одном из заседаний Плеханов, собираясь ответить кому-то, скрестил руки на груди и громко, презрительно произнес:

— Х-хе!

Это вызвало смех среди рабочих-большевиков, Г.В. поднял брови, и у него побледнела щека...»²⁹ Какая злостная карикатура!

Вот как рисует первое впечатление от выступления Плеханова человек, близко знавший его: «Чарующий тембр голоса, чудесное произношение, ясная и отчетливая дикция, сдержанные^a движения — словом, классическая форма ораторского искусства приковывали слушателя. Огромная эрудиция, полное господство над предметом, широкое мирозерцание, железная, ясная, и в то же время гибкая и оригинальная мысль, плюс бурная революционная страсть, плюс тонкое образное остроумие, — все эти слагаемые, сосредоточенные в одном избраннике природы, приводили слушателей, всех слушателей без всякого исключения, в восторженное состояние, вызывая высокий духовный подъем и усиленную работу мысли» (Л.И.Аксельрод Из моих воспоминаний о Плеханове. «Под знаменем марксизма» № 5—6)³⁰.

Позволю себе привести еще одну цитату, на этот раз из лагеря противников Плеханова: «Плеханов был совершенно несравненным собеседником по блеску остроумия, богатству знаний, по легкости, с которой он умел мобилизовать для любой беседы огромное количество духовных сил. Немцы говорят: Geistreich — богатый духом. Вот именно таким и был Плеханов». (А.В.Луначарский. Несколько встреч с Плехановым. «Под знаменем марксизма» № 5—6. Май—июнь 1922 г.)³¹.

Еще несколько слов и я покончу с «художественным» портретом Плеханова. После описания «сюртука», манеры говорить Георгия Валентиновича, следует какая-то, я сказала бы, «инсинуация», если бы не писал этого Максим Горький.

«Несколько эмигрантов каприйской колонии: литератор Н.Олигер³², Лоренц-Метнер, присужденный к смертной казни за организацию восстания в Сочи, Павел Вигдорчик и еще, кажется, двое хотели побеседо-

^a Подчеркнуто Р.М.Плехановой (Публ.).

вать с Плехановым. Он отказался. Это было его право, он — больной человек, приехал отдохнуть. Но Олигер и Лоренц говорили мне, что он сделал это в форме, обидной для них. Нервный Олигер настаивал, что Г.В. сказано было нечто об «усталости от обилия желающих говорить, но не способных делать». Он, будучи у меня, действительно не пожелал никого видеть из местной колонии» [С. 22]. Тут кроется какое-то недопонимание. А[лексей] М[аксимович] смешивает, путает. Ведь ушло столько лет. Я не расставалась с Плехановым ни в Неаполе, ни на Капри. В Неаполе никакого свидания никто не просил, и никого мы из полит[ических] эмигрантов не видали. Возможно, что память мне изменяет, но что такого ответа, какой приводит М.Горький, на просьбу о свидании Плеханов не дал и не мог дать — за это ручаюсь головой. Такой ответ — грубый и невежливый — был не в духе вежливого, чуткого Плеханова. Страстный полемист в литературе, боец на трибуне и в жизни, он был — сама вежливость в личных встречах, отношениях.

Наконец, Горькому не нравятся остроты Плеханова: «Не в меру умеренный Меринг», «Самозванец» Энрико Ферри, в нем нет железа ни золотника» — тут каламбур построен на слове ферро-железо. И все в этом роде»³³.

Когда я прочитала эти строки друзьям, знавшим лично Георгия Валентиновича, они искренне расхохотались... Так чудовищно исказил Алексей Максимович и эту сторону личности Плеханова!

Чему приписать это ложное изображение образа Георгия Валентиновича? Я думаю, богатой фантазии, искаженной «фракционностью». Плеханова нужно из каких-то высших соображений умалить. Это нужно! И готовность является со всех сторон: тут и Митины, и Таксеры, и Вейнборги³⁴ — ведь это так легко: Плеханов спит непробудным вечным сном,... и каждый, кому не лень, может безнаказанно его ударить!

Теперь мы переживаем период ревизии Плеханова. Как во всем и повсюду, и в этой области проявляются «перегибы», «упрошенчество», на которые, наконец, обратил внимание главный периодический журнал коммунистической партии «Под знаменем марксизма» (См. №№ 6—7 за 1932 г.)³⁵. Заслуги Георгия Валентиновича перед революционным движением нашей страны и перед всемирным движением пролетариата забываются, отбрасываются.

«Теперь идет борьба», — сказал мне один мой приятель, убежденный и не глупый член коммунистической партии, когда я ему с горечью выразила свои тяжелые испытания в связи с неблагодарной, неделикатной критикой Плеханова. Подобные явления, сказала я, немыслимы в Европе, и там идет ожесточенная борьба между коммунистами и социалистами, но никто из первых не оскорбил памяти Геда, Vaillant'a³⁶, Либкнехта³⁷. Поколения идут вперед, опережают своих учителей, но имя учителя для них свято и никому из них не приходит в голову пачкать это имя. Нет, война войне рознь, ответила я моему приятелю, воюют люди культурные, воюют и дикари. В нас еще много азиатчины... Пора заменить, в моральном отношении, зипун «сюртуком», который так не

любит М.Горький. Пора проникнуться моральным «аристократизмом» и отбросить грубость и невежливость.

Новой жизни должны соответствовать новые нравы^а.

РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 1—18; Ед. хр. 52. Л. 22—39; Ед. хр. 53. Л. 2, 4—7. Машинопись.

Примечания

¹ Г.В.Плеханов с 1887 г. страдал туберкулезом и по состоянию здоровья не мог проводить зимние месяцы в Швейцарии. В 1909 г. Р.М.Плеханова осуществила свою давнюю мечту и вместе со старшей дочерью Л.Г.Плехановой, врачом-невропатологом, организовала зимний санаторий в Сан-Ремо. Часть средств на организацию работы санатория собирали среди русских эмигрантов. Личные взносы, о чем свидетельствуют архивные документы, делали и члены семьи Плехановых, включая самого Георгия Валентиновича и Розалию Марковну.

² *Кавур Камилло Бенсо* (1810—1861) — государственный деятель Италии, один из идеологов и видных организаторов ее объединения. После провозглашения в марте 1861 г. единого Итальянского королевства занял пост премьер-министра.

³ «Оплакивание Христа» — мраморная скульптура, украшающая интерьеры собора Св. Петра.

⁴ Станцы и Лоджии — часть дворцового ансамбля в Ватикане, расписанные Рафаэлем и его учениками.

⁵ *Засулич В.И.* (1851—1919) — участница народнического движения, одна из основателей группы «Освобождение труда» и Российской социал-демократической рабочей партии, видный деятель РСДРП, переводчик, писатель, публицист.

Иорданский Н.И. (1876—1928) — социал-демократ, сотрудничал в газетах «Искра», «Начало», «Образование», «Современный мир» и др. После Февральской революции 1917 г. в качестве комиссара выезжал на фронт. Работал в Наркомате иностранных дел, Госиздате.

⁶ *Пешкова Е.П.* — жена А.М.Горького.

⁷ Жена известного революционера, одного из теоретиков партии социалистов-революционеров Л.Э.Шишко. В архиве Р.М.Плехановой хранятся четыре письма Н.В. Кончевской-Шишко (Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 223).

⁸ *М.Т.Бейлис*, приказчик кирпичного завода Зайцева в Киеве, еврей по национальности, в 1911 г. был ложно обвинен в совершении ритуального убийства христианского мальчика. Дело, сфабрикованное правительством, антисемитскими и черносотенными организациями, тянулось более двух лет. Процесс состоялся в сентябре—октябре 1913 г., и суд присяжных, несмотря на давление со стороны правительства, вынес Бейлису оправдательный приговор. По завершении судебного разбирательства семья Бейлисов эмигрировала в США.

⁹ Гальперин — адвокат, вел некоторые дела семьи Плехановых. Переписка Гальперина и Плехановых хранится в Институте социальной истории (Амстердам) в фонде Г.В.Плеханова.

¹⁰ Одна из привлеченных к делу М.Т.Бейлиса лжесвидетелей.

¹¹ *Тиберий Клавдий Нерон* (42 г. до н. э. — 37 г. н.э.) — римский император.

¹² Псевдоним *Петрова С.Г.* (1868—1941) — писателя; вместе с А.М.Горьким сотрудничал в издательстве «Знание», принимал участие в революционном движении России.

^а Подчеркнуто Р.М.Плехановой (Публ.).

¹³ В тетради № 52, вслед за этим предложением, стоит приписка Р.М.Плехановой: «NB. Списать с тетради воспоминания о подъеме на Везувий (С. 16—18 — до слова «гидами»).

Вариант этой части статьи, посвященный подъему Плехановых на Везувий, опубликован. См.: Плеханова Р.М. Год на родине // Диалог. 1991. № 11. С. 89—91.

¹⁴ Имеются в виду установленные на площади перед Национальным музеем скульптурные изображения правителей Неаполя, среди которых есть памятник представителям семьи Фарнезе, сыгравшим важную роль в истории Италии.

¹⁵ Имеется в виду получившее широкую огласку в России и за рубежом недоразумение, жертвой которого стал великий русский певец Ф.И.Шаляпин (1873—1938). В 1911 г. Шаляпин участвовал в оперном спектакле Мариинского театра «Борис Годунов». Хористы театра, в течение длительного времени безуспешно добивавшиеся повышения заработной платы, решили воспользоваться присутствием на спектакле Николая II с тем, чтобы воздействовать на администрацию театра. После одной из сцен, в которой был занят Федор Иванович, хор в полном составе опустился на колени и запел «Боже, царя храни!». По воспоминаниям Шаляпина, нелепость ситуации усугублялась не только тем, что артисты не предупредили его о том, что собираются сделать. У него не оказалось и возможности скрыться за кулисами, так как в проходе стояли певцы, шепотом умолявшие его «не покидать их». И Шаляпину ничего не оставалось делать, кроме как встать на одно колено и растерянно слушать гимн российской империи. Печать тотчас же отреагировала на случившееся, раскрасив «подробностями» «факт лакейства» Ф.И.Шаляпина. Некоторое время спустя Плехановы, не звавшие истинной подоплеки происшедшего, вернули Федору Ивановичу подаренную им и подписанную «Милейшим супругам Плехановым на память о свидании и в знак искренней симпатии. Федор Шаляпин. 26.III.1909. M.Carlo» фотографическую карточку певца. В мемуарах «Душа и маска» Шаляпин отмечает, что к сделанной им надписи была добавлена приписка: «Возвращаем за ненадобностью. Г.Плеханов. Р.Плеханова. 1 марта 1911 г.» // Шаляпин Ф.И. Душа и маска. Мои сорок лет на театрах. М., 1991. С. 260—261.

Николай II (Романов) (1868—1918) — последний русский император. Вошел в историю под прозвищем «Кровавый». Расстрелян в Екатеринбурге по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов.

¹⁶ Имеется в виду V съезд РСДРП, состоявшийся в Лондоне в мае 1907 г.

¹⁷ *Кравчинский (псевдоним Стенняк) С.М.* (1852—1895) — революционер-народник, писатель. С начала 1880-х гг. находился в эмиграции в Англии. Один из организаторов Фонда вольной русской прессы. Близкий друг Г.В.Плеханова.

¹⁸ См. примеч. № 24.

¹⁹ *Белинский В.Г.* (1811—1848) — литературный критик, публицист. Виссарион Григорьевич был одним из любимых писателей Г.В.Плеханова, анализ философских взглядов и творчества Белинского нашел глубокое отражение в произведениях Плеханова // Избранные философские произведения. М., 1956—1958. Т. I—V.

²⁰ Переписка А.М.Горького и Г.В.Плеханова опубликована в сборнике «Литературное наследие Г.В.Плеханова». Т. 6. С. 398—407.

²¹ *Жорес Жан.* (1859—1914) — видный деятель французского и международного социалистического движения, один из основателей Объединенной французской социалистической партии, член палаты депутатов нескольких созывов. Основатель и редактор газеты «L'Humanité». Убит накануне Первой мировой войны.

²² *Гед Жюль* (1845—1922) — видный деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской коммуны. Один из основателей Французской социалистической партии. После начала Первой мировой войны вошел в состав французского правительства. Друг Г.В.Плеханова и его семьи.

²³ *Герцен А.И.* (1812—1870) — философ, революционер, писатель, публицист. Творчество и деятельность А.И.Герцена нашли отражение во многих философских произведениях Плеханова // *Избранные философские произведения.* М., 1956—1958. Т. I—V.

²⁴ Имеется в виду статья в декабрьской книжке журнала «Летопись» (№ 1. С. 323—328) «Нужны ли убеждения? (Письмо в редакцию)». Автор, скрывшийся за псевдонимом «Один из недоумевающих», рассуждает о работе Г.В.Плеханова «О войне» и сравнивает его с известными героями Чехова и Достоевского Фирсом и Смердяковым.

В своей брошюре Плеханов вскрыл социально-экономические причины Первой мировой войны (1914—1918 гг.) и поставил вопрос о необходимости объединения усилий всех стран для отражения и обуздания германской агрессии. Впервые в практике международных отношений Плехановым был поднят вопрос о *нравственной* ответственности не только народа-агрессора, ввергнувшего мир в войну, но и стран, занявших позицию *невмешательства*. Их нейтралитет Плеханов уподобил «нейтралитету» прохожего, ставшего свидетелем грабежа и ограничившегося *призывом* к обеим сторонам — *грабителю и потерпевшему* — *прекратить «конфликт».*

²⁵ Базаров В., псевдоним *Руднева В.А.* (1874—1939) — экономиста и философа, одного из переводчиков «Капитала» К.Маркса. В.А.Руднев принимал активное участие в социал-демократическом движении России. В годы, последовавшие за революцией 1905—1907 гг., выступил с работами, направленными против марксистской философии. В целом ряде статей Плеханов упоминает В.Базарова среди тех, «которые под самыми разноцветными идеалистическими знаменами ведут атаку против марксизма» // Плеханов Г.В. Соч. М., 1923—1927. Т. 5. С. 206; Т. 13. С. 375; Т. 23. С. 229, 230, 233, 299.

²⁶ *Чхеидзе Н.С.* (1864—1926) — один из лидеров меньшевистского крыла РСДРП, депутат Государственной думы III и IV. Входил в состав Временного комитета Госдумы, председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; председатель Учредительного собрания Грузии. В 1921 г. эмигрировал во Францию.

²⁷ Плеханов Г.В. Вместо предисловия // *Дневник социал-демократа.* Петроград. 1916. № 3. С. 6—7.

Жорж Фавон — лидер партии радикалов, занимался делами юстиции и полиции в Женевском кантональном правительстве.

²⁸ Горький М. В.И.Ленин. М.—Л., 1931. С. 5.

²⁹ Отрывок цитируется по имеющемуся в Доме Плеханова личному экземпляру Р.М.Плехановой издания: Горький М. В.И.Ленин. М.—Л., 1931. С. 9. Сохранились сделанные простым карандашом пометки Р.М.Плехановой. На полях, напротив обозначенного выше отрывка, стоит: «Это карикатура». Несколькими страницами ниже словами «Так точно делает и сам Горький» Р.М.Плеханова прокомментировала следующие два абзаца на с. 28: «Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, я не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы. Я знаю, клевета и ложь — узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью. Это — всем известно.

Кроме этого, у всех людей есть стремление не только принизить выдающегося человека до уровня понимания своего, но и попытаться свалить его под ноги себе, в ту липкую, ядовитую грязь, которую они, сотворив, наименовали "обыденной жизнью".

³⁰ Цит. по: Аксельрод Л.И. Из моих воспоминаний о Г.В.Плеханове // Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда. 1883—1903. М., 1984. С. 271—272.

Аксельрод Л.И. (псевд. Ортодокс) (1868—1947) — философ и литературовед. С 1884 г. принимала активное участие в революционной жизни России, с 1892 г. входила в группу «Освобождение труда». После Октябрьской революции занималась преподавательской и научной деятельностью.

³¹ Цит. по: Луначарский А.В. Георгий Валентинович Плеханов. Несколько встреч с Георгием Валентиновичем Плехановым // Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С.262.

Луначарский А.В. (1875—1933) — социал-демократ, с августа 1917 г. большевик, после Октябрьской революции (до 1929 г.) — нарком просвещения; писатель, литературовед, искусствовед, публицист.

³² *Олигер Н.Ф. (1882—1919) — русский писатель, автор рассказов и повестей; в 1911—1917 гг. вышло 10-томное Собрание сочинений.*

³³ Горький М. Указ. соч. С.23. В качестве сравнения было бы интересно познакомиться с отрывком из воспоминаний И.Хородчинской (Каторга и ссылка. 1930. № 2. С.159—168), работавшей в течение двух лет (1912—1913 гг., т.е. в те же годы, когда состоялась каприйская встреча Алексея Максимовича и Георгия Валентиновича) секретарем Г.В.Плеханова: «О личности Г.В., о быте и домашнем обиходе его семьи говорилось в женевских студенческих кругах очень много. И рядом с благоговейными, тут и там раздавались критические неодобрительные слова: Г.В. держится обособленно, недоступно, в его отношениях к товарищам нет простоты, к нему нельзя прийти запросто посидеть и поговорить. Настроенная таким образом, несколько преубежденно, я первое время зорко всматривалась в Г.В., мысленно примеряла к нему то, что слышала, проверяла свои впечатления и в конце концов пришла к тому выводу, что Г.В. не знает, что здесь кроется какое-то недоразумение или недомыслие. Г.В. болел в течение долгих лет, иногда его болезнь обострялась, иногда он чувствовал себя сравнительно хорошо, но постоянно он нуждался в особом уходе и покое. Его приходилось оберегать и от многочисленных посещений, и от пагубных для его здоровья выступлений и диспутов, и от утомительных споров и бесед с товарищами. Этим объясняется та «замкнутость», та «недоступность», о которой говорилось в студенческих и эмигрантских кругах. Кроме того, нужно еще сказать, что Г.В. работал очень много, работал систематически, непрерывно, неустанно, не отрываясь даже в болезни. Его рабочий день был заполнен до отказа, и он не любил, когда его отвлекали от работы, не любил менять без серьезного к тому повода твердо установленный порядок дня. Он ценил свое время, и он не любил праздных разговоров. В дальнейшем я убедилась, что для людей, приходивших к нему по серьезному делу, он находил и время и силы, на серьезно поставленный вопрос давал обстоятельный ответ, на собрание, которое он считал нужным и важным, он приходил после утомительной работы, иногда недомогающий, не обращая внимания на предписания врачей; выступал и говорил тогда, когда врачи запрещали это делать. Об этих обстоятельствах женевские товарищи, судившие о Г.В. вкривь и вкось, не знали ничего или не придавали им того значения, какое они заслуживают.

Это преубеждение, созданное толками и слухами, исчезло бесследно и навсегда в то самое мгновение, когда я увидела Г.В. в первый раз, когда он встал

быстрым легким движением со своего кресла и пошел ко мне навстречу с приветливой улыбкой на лице, с радушными, такими простыми и теплыми словами своего первого приветствия.... Трудно было отдать себе отчет, что именно придает этому человеку то обаяние, которое испытывали на себе все знавшие Плеханова. Прежде всего чувствовалось, что перед вами большой человек и этот большой человек обладал такой приятной манерой говорить и обращаться с людьми; в нем было много мягкости. Плеханов — боец и революционер, беспощадный полемист и резкий спорщик — был необыкновенно мягок и изысканно вежлив в личных отношениях. И эта светская вежливость соединялась в нем с большой простотой» (С. 160).

О непростой атмосфере, царившей в русских эмигрантских кругах Швейцарии, об отношении к Плеханову можно прочитать в воспоминаниях В.К.Икова «Листопад» (Вопросы истории. 1995. №№ 8—10).

Меринг Ф. (1846—1919) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии; член редколлегии журнала «Die Neue Zeit» и газеты «Leipziger Volkszeitung». Видный деятель II Интернационала. Переписка Ф.Меринга и Г.В.Плеханова опубликована // *Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова*. Т. II. С. 136—137.

Ферри Э. (1856—1929) — видный итальянский социалист, член палаты депутатов, один из редакторов центрального органа Итальянской социалистической партии газеты «Аванти» и редактор двухнедельного обозрения «Il socialismo. Rivista quindicinale diretta da Enrico Ferri. Roma», для которого писал Г.В.Плеханов. Сохранились и опубликованы письма Э.Ферри к Г.В.Плеханову // *Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова*. Т. II. С. 199—201.

³⁴ Р.М.Плеханова имеет в виду направленные против «ошибок» Плеханова критические статьи, которые стали появляться в нашей стране в конце 20-х — начале 30-х гг. Среди авторов были и названные лица. Горечь Р.М.Плехановой вызвана и тем, что еще некоторое время тому назад эти же люди, как и не перечисленные другие, с гордостью, в печати и устно, отзывались о себе как об учениках Г.В.Плеханова.

Митин М.Б. (1901—1987) — советский философ и общественный деятель. В 1930—1944 гг. являлся редактором журнала «Под знаменем марксизма». В 1930 г. в двух №№ газеты «Правда» была опубликована его статья «За подлинную разработку ленинского философского наследства», в которой, не оспаривая высокой ленинской оценки вклада Плеханова в развитие философской мысли, высказал мнение о «недостаточном проникновении Плеханова в глубины марксистской диалектики» по сравнению с Лениным. Автор подверг резкой критике работы Л.И.Аксельрод-Ортодокс и А.М.Деборина за «недостаточно критическое отношение к ошибкам Плеханова».

Фамилия *А.Таксера* упоминается в связи с публикацией в журнале «Летописи марксизма» (1932. № 1—2. С. 165—199) его статьи «Проблема общественно-экономической формации», в которой идеи Г.В.Плеханова по вопросам общественного развития трактовались как ошибочные с точки зрения марксизма (С. 177—179).

Фамилия «Вейнборг», вероятно, указана ошибочно. В журнале «Проблемы марксизма» за 1931—1932 гг. были опубликованы 3 статьи *И.Вайсберга*: «Формальная логика и диалектика. Плеханов как критик формальной логики» (1931. №№ 5—6. С. 167—192), «Меньшевистская логика и политика. Ленин и Плеханов» (1913. №№ 8—9. С. 116—135) и «Меньшевистский идеализм, механицизм и законы формальной логики» (1932. №№ 9—10. С. 71—97). Их автор указывал на непонимание Плехановым законов познания, в частности, закона единства и борьбы противоположностей, ошибочное разграничение сфер применения фор-

мальной логики и диалектики и ряда других. В статьях жестко увязывались ошибочные (как полагал критик) взгляды Плеханова-философа и Плеханова-политика. Возможно, именно работы Вайсберга и имела в виду Р.М.Плеханова.

³⁵ Р.М.Плеханова имеет в виду передовую статью, озаглавленную «Диалектический материализм, естествознание и борьба с упрощенчеством», опубликованную в № 5—6 (1932) журнала «Под знаменем марксизма». В ней, в частности, указывалось на опасность, которую несет вульгаризация истории философии марксизма некоторыми исследователями, так, в работе говорилось о необходимости «вести борьбу с попытками «огульного метафизического отрицания исторических заслуг Плеханова» — его философских работ, высоко оцененных Лениным, с недооценкой положительного содержания многих его философских работ...» (С. 9).

³⁶ *Вайан Эдуард Мари* (1840—1915) — видный деятель французского и международного рабочего и социалистического движения. Участник Парижской коммуны, член ее Исполнительного комитета, один из основателей Французской социалистической партии. В качестве ее представителя являлся членом палаты депутатов.

³⁷ *Вильгельм Либкнехт* (1826—1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения. Один из основателей и вождей Германской социал-демократической партии. В качестве ее представителя неоднократно избирался в германский рейхстаг. Участник I и II Интернационала. Редактор центрального органа германской социал-демократической партии «Vorwärts», на страницах которого широко печатались работы Г.В.Плеханова.